

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ АГРЕССИВНОГО ОБРАЗА ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА "АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ" И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ (Т. Уитни, 1974) И НЕМЕЦКИЙ (А. Петурниг, 1974) ЯЗЫКИ

A ZOOMORPHIC METAPHOR AS MEANS OF MODELLING OF AGGRESSIVE IMAGE OF THE SOVIET AUTHORITY ORGANS IN A.I. SOLZHENITSYN'S NOVEL "THE GULAG ARCHIPELAGO" AND ITS TRANSLATIONS INTO ENGLISH (Th. P. Whitney, 1974) AND GERMAN (A. Peturnig, 1974)

*I. Kurbanov,
V. Salo*

Annotation

In fiction works authors widely use metaphoric items not only for creating the target image, but also for communicating their attitude to the depicted phenomenon/ object. The given article looks into specifics of zoometaphor creating the image of the organs of the Soviet authorities in the corresponding period. The article deals with equivalence and adequacy of zoometaphor translation into English and German. It analyses possibilities to translate the original metaphor without losses.

Keywords: cognitive linguistics, a metaphor, modelling, frame, slot.

Курбанов Ибрагим Алиевич

К.филол.н., профессор,

Сургутский государственный университет

Сало Виктория Эдуардовна

Аспирант, Сургутский

государственный университет

Аннотация

В художественных текстах авторы широко используют метафорические средства не только для создания целевого образа, но также в целях передачи своего отношения к описываемому объекту/ явлению. В рамках данной статьи была рассмотрена специфика зооморфной метафоры, создающей образ органов советской власти описываемого периода. Особое внимание уделяется эквивалентности и адекватности перевода данного типа метафоры на английский и немецкий языки. Анализируются возможности сохранения оригинальной метафорической модели в языках перевода.

Ключевые слова:

Когнитивная лингвистика, метафора, моделирование, фрейм, слот.

Произведение А.И. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" повествует о системе тоталитаризма, доносов и пыток. События, описываемые в произведении, охватывают временной период с 1918 по 1956 года, то есть первые годы советской власти и времена культа личности. При создании произведения автор преследовал цель изобличить советскую репрессивную систему, несправедливое отношение органов государственной власти к гражданам. Слово "ГУЛАГ" до сих пор является синонимом советской диктатуры.

Для формирования образа органов советской власти (далее – "органы власти") автор прибегает к широкому использованию метафорических средств концептуального характера. Метафора представляет собой троп или средство воздействия на сознание и эмоциональный мир человека. С точки зрения когнитивной лингвистики, метафора помогает познавать действительность и структурировать знания о явлениях действительности. С точки

зрения традиционной лингвистики в сфере анималистической лексики и фразеологии можно выделить номинативную и экспрессивно-оценочную типы метафоры (как наиболее свойственные зоонимам). В номинативной метафоре преобладает функция названия и вычленения фрагментов внеязыковой действительности и формирова- ния соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц. Приведем примеры: созвездия – Большая медведица (северное созвездие), Созвездие Большого пса; растения – петушии косы (травянистое растение), кукушкин лен, вороньи глазки (папоротник) и др.; бо- лезни – заячья губа, заячий глаз, курья слепота (диал. ирк.), свинья заушница (свинка) и др.). Основная цель экспрессивно-оценочной метафоры – дать характеристику и выразить оценочное восприятие объекта, поэтому ее можно назвать эвалюативной. В фокусе такой метафоры находится понятие, представляющее собой свойство предмета, вызывающее оценочную реакцию. В оце-

ночных суждениях часто присутствует экспрессивный момент, связанный с выражением эмоций говорящего и воздействием речевых факторов на чувства. Интерпретация такой метафоры прежде всего опирается на знание образной символики данного языка. Внелингвистические знания входят в семантику слов в качестве коннотаций. Сема "хитрость" не является ведущей в значении существительного лиса, она является коннотативной и связана с ассоциациями, внушаемыми самими реалиями. Эти ассоциации, реализующие в коннотативных семах, участвуют в создании образной символики языка, зависят от условий жизни и традиций носителей языка и значительно разнятся от культуры к культуре, от языка к языку. Если для русских, к примеру, осел – символ упрямства, то для народов Средней Азии – символ терпения. Необходимо отметить, что образность присуща практически всем зоосемизмам и метафоризация является той языковой основой посредством которой оформляется эта образность. Она происходит в двух вариантах: 1) путем метафоризации всего зоонима – "волк в овечьей шкуре", "красный петух" и т. д.; 2) метафоризацией одного компонента – "старый пес (кобель, осел)". В некоторых случаях метафора осложняется гиперболой ("как сельдей в бочке" – *to be packed like sardines*) или литотой (стилистическим преуменьшением) ("кот заплакал" – *enough to make a horse laugh*).

Символика анималистической лексики достаточно хорошо исследована в сопоставительном аспекте в современной лингвистике. В данной статье мы пользовались исследованиями Курбанова И.А., посвящённые анализу национально-культурной специфики зоонимов (зоосимволов) русского, английского и других языков [3–7].

В рамках данного произведения органы власти метафорически представляются как "животное", причём животное, которое ведёт себя агрессивно, соответственно эта модель несёт исключительно негативную оценку.

При сборе материала для данной статьи использовался метод сплошной выборки, необходимый для выявления типов метафоры, используемой для описания органов власти, и определения частотности и продуктивности различных фреймов. При осуществлении классификации авторы опирались на работу А.П. Чудинова [10]. Целью данного исследования является поиск ответа на вопросы: сохраняется ли метафорическая модель в языке перевода, если нет, то как она трансформируется.

В ходе исследования было проанализировано 234 концептуальные метафоры, моделирующие образ советской власти. Из них 67 приходится на зооморфную метафору. В рамках этой группы было выявлено 5 фреймов.

1. Фрейм "состав царства животных"

Слот 1.1. Агрессивные/ дикие животные

Выбор автора в качестве сферы источника метафорического моделирования именно образа диких животных можно объяснить намерением автора сделать акцент

на враждебном отношении органов власти к гражданам. Органы власти позиционируются как "волки", "полканы":

"Волчьим смехом расхохоталось собрание, и со всеми шестью своими ртами пошел новый орденоседец в ссылку" [9, 88]. – "A wolflike laugh rocketed through the hall, and the newly decorated hero went off to exile, together. with all six of those dependent mouths" [12, 76]. – "Wolfisches Gelächter schlug ihm entgegen, und es wanderte der neue Ordensträger samt seinen sechs Maulern in die Verbannung" [13, 81].

"<...> вместо себя сажая полканами выводных" [9, 146]. – "<...> leaving guards to act as watchdogs in their place" [12, 139]. – "<...> als Kettenhund bleibt ein Posten zuruck" [13, 140].

"То <...> было совершено не одним злодеем, не в одном потаенном месте, но десятками тысяч специально обученных людей-зверей над беззащитными миллионами жертв" [9, 105]. – "What <...> was all being practiced <...> not by one scoundrel alone in one secret place only, but by tens of thousands of specially trained human beasts standing over millions of defenseless victims" [12, 93–94]. – "<...> das wurde <...> nicht von einem einzelnen Bosewicht, nicht an einem einzelnen verborgenen Ort, sondern von Zehntausenden darauf gedrihten Menschenbestien an wehrlosen Millionen von Opfern" [13, 98].

"<...> доказать своему монстру-следователю <...>" [9, 145] – "<...> to prove to his monster of an interrogator <...>" [12, 138] – "<...> dem uniformierten Monstrum vor sich zu beweisen <...>" [13, 138]

Практически во всех примерах в рамках данного слота переводчики применили приём калькирования без семантических и коннотативных потерь. Лишь в последнем переводе на немецкий язык "монстр-следователь" заменяется на "информированный монстр".

2. Фрейм "объединения животных"

Руководимые инстинктами представители органов власти объединяются в группы, проявляющие враждебность и агрессию по отношению к гражданам.

"<...> какие-то косяки гебистов должны были класть головы с неуклонностью <...>" [9, 161]. – "<...> a certain number of "schools" of gaybisty had to sacrifice themselves" [12, 156]. – "<...> zwang bestimmte Fischschwarme von Gebisfen, ihre Haut zu Markte zu tragen" [13, 156].

"Это волчье племя – откуда оно в нашем народе взялось?" [9, 164] – "Where did this wolf-tribe appear from among our people?" [12, 160] – "Diese Wolfsbrut – woher kommt sie in unserem Volke?" [13, 159]

В немецком переводе А. Петурниг вместо полного ответа "der Stamm" использует "die Brut" ("alle jungen Tiere, die aus Eiern schlupfen"[2]) – "выводок (птенцов), приплод (перен. о потомстве человека)" [1].

"Отчего они все такую рьяной упряжкой включились в эту гонку не за истиной, а за ЦИФРАМИ обработанных и осужденных?" [9, 152] – "What prompted them all to slip

into harness and pursue so zealously not truth but totals of the processed and condemned?" [12, 146] – "Warum haben sie sich alle bloß so wild ins Zeug gelegt, nicht die Wahrheit, sondern die Ziffern der Verarbeiteten und Verurteilten zu erzielen?" [13, 146]

В данном случае А. Петурниг, переосмыслив подтекст зооморфной метафоры, делает выбор в пользу разговорного фразеологического оборота "sich ins Zeug legen" ("взяться за дело засучив рукава" [1]).

3. Фрейм "части тела животных"

Слот 3.1. Органы агрессии

При описании органов власти сквозь зооморфную призму продуктивно используются названия частей тела животных, используемых для проявления агрессии. СобираТЕЛЬНЫЙ "животный" образ властей складывается из таких составляющих как: "пасть", "щупальцы", "когти", "копыта".

"Членик за члеником прожевав с хвоста, доберется пасть и до собственной головы" [9, 66]. – "<...> and, limb by limb, beginning with its own tail, the ravenous maw would devour itself . . . right up to its head" [12, 52]. – "Solcherart Glied um Glied vom Schwanz her verschmausend, arbeitet sich der Rachen bis zum eigenen Haupt vor" [13, 59].

"Итак, если мы знаем, что Органы <...> не отмирали ни единым щупальцем, но напротив наращивали их и крепили мускулатурой, – легко догадаться, что они упражнялись постоянно" [9, 41]. – "Therefore, if we know that the Soviet Security organs, or Organs <...> have not died off even to the extent of one single tentacle, but, instead, have grown new ones and strengthened their muscles—it is easy to deduce that they have had constant exercise" [12, 25]. – "Wenn wir also wissen, daß den Organen <...> kein winziger Fuhler abstarb, sondern umgekehrt, immer neue erwachsen, muskelstark und beweglich, durfte es uns nicht schwerfallen zu erraten, daß sie standig in Übung waren" [13, 34].

"...ведь разведка может протянуть щупальцы к своему любимцу и в лагерь..." [9, 77]. – "... for, after all, an intelligence service might reach out its tentacles to its protegee even in a camp..." [12, 64]. – "... der fremde Geheimdienst konnte ja die Faden zu seinem Schutzling bis ins Lager hinein spinnen..." [13, 70].

В немецком переводе А. Петурниг в одном случае использует кальку "щупальцы" = "Fuhler", в другом случае отдаёт предпочтение функциональной замене, также обладающей долей метафоричности, но другого характера, "щупальцы" = "die Faden" ("нить, волокно" [1]).

"МГБ же не искало истины и не имело намерения кого-либо взятого выпустать из когтей" [9, 151]. – "The MGB wasn't interested in the truth and had no intention of letting anyone out of its grip once he was arrested" [12, 145]. – "Dem MGB war die Wahrheit egal, und es hatte nicht die Absicht, einen einmal Verhafteten wieder aus den Klauen zu lassen" [13, 145].

В английском переводе "когти" заменяются на лекси-

ческую единицу "grip" ("хватка, захват" [8]), происходит функциональный перенос значения.

4. Фрейм "поведение животных"

Слот 4.1. Агрессивные действия

Действия органов власти, зачастую демонстрирующие суть их отношения к гражданам, в основном обозначаются зооморфной метафорой, что позволяет выразить безраспространённость и необоснованную агрессию. Наиболее распространённые обозначения:

"Едва смершевцы кончили меня потрошить <...>" [9, 35]. – "Hardly had the SMERSH men finished "plucking" me <...>" [12, 18] – "Nachdem die Smersch-Leute aufgehört hatten, mich auszuweiden ..." [13, 28]

Т. Уитни отдаёт предпочтение глаголу "to pluck" ("ощипывать птицу"[8]) вместо "disembowel" ("to take the stomach, bowels and other organs out of a person or animal"[11]).

"ГПУ запыхалось хватать и таскать вредителей" [9, 59]. – "The GPU puffed and panted in its efforts to grab off and drag off the "wreckers"" [12, 44]. – "Die GPU geriet außer Atem vor lauter Jagd auf Saboteure" [13, 52].

В английском языке путём добавления "in its efforts" к устойчивому словосочетанию "to puff and pant" ("тяжело дышать"[8]) Т. Уитни передаёт образность происходящих действий. В немецком языке происходит ассоциативная замена агрессивных действий "хватать и таскать" на "die laute Jagd" ("шумная охота"[1]).

"Я сидел и гадал: чью незаурядную жизнь в эту ночь привезли на истязание, на растерзание и на сожжение потом" [9, 144]. – "I sat there and I wondered: Whose extraordinary life had they brought in for torment, for dismemberment, and then for burning?" [12, 137] – "Da saß ich und grubelte: Wessen außergewöhnliches Leben haben sie in dieser Nacht herbeigeschleppt, daß es gefoltert und geschunden werde und am Schluß in Rauch aufgehe?" [13, 137–138]

Несмотря на то, что более точным соответствием "растерзания" в английском языке является "tearing to pieces", Т. Уитни использует лексическую единицу "dismemberment" ("расчленение, разделение на части"[8]). Немецкий глагол "schinden" ("разг. мучить, терзать, эксплуатировать"[1]) максимально сохраняет метафоричность оригинала (наблюдается лишь конверсия: замена существительного на глагол).

"Тебе никто слова человеческого не говорил, на тебя человеческим взором никто не глянул – а только выклевывали железными клювами из мозга твоего и из сердца, ты кричал, ты стонал – а они смеялись" [9, 183]. – "All they did was to peck at your brain and heart with iron beaks, and when you cried out or groaned, they laughed" [12, 181]. – "Keiner sprach zu dir ein menschliches Wort, keiner schenkte dir einen menschlichen Blick, sie fraßen dir bloß mit eisernem Schnabel das Hirn und das Herz ab, du schriest, du stohntest – und sie lachten" [13, 179].

Немецкий перевод "abfressen" ("обгладывать, обгрызть" [1]) (действие, осуществляемое животным [2]) не является полным эквивалентом глагола "выклевывать", который описывает действия птиц.

"Ею пугают нашего брата, её имя выговаривают следователи со зловещим шипением" [9, 183] – "Its very name was used to intimidate prisoners; interrogators would hiss it threateningly" [12, 181]. – "Damit drohen sie unsereinem, die Untersuchungsrichter; ein boses Zischen, wenn sie den Namen aussprechen" [13, 179].

В данном примере используются полные соответствия.

"Сейчас прошипит надзиратель: "на Сэ!", "на Зэ!". Но надзиратель не шипел" [9, 225]. – "Now the jailer would whisper: "Name with 'S'? Name with 'Z'?" But the guard did not whisper anything" [12, 228]. – "Gleich wird der Aufseher hereinzischen: "Einer auf S? Auf S–S–S einer?" Doch der Aufseher zischte nicht" [13, 221–222].

В данном случае в английском языке происходит деметафоризация образа надзирателя.

Стоит отметить, что не было выявлено ни одной метафоры, демонстрирующей попытку достижения согласия и компромисса. Таким образом, слот "неагрессивное взаимодействие" оказывается пустым.

Слот 4.2. Физиологические потребности

Коннотация агрессивности усиливается использованием метафорических единиц, описывающих физиологию животных. Органы представляются вечно голодным зверем, питающимся людьми и при определённых обстоятельствах готовым съесть даже себя.

"Членик за члеником прожевав с хвоста, доберется пасть и до собственной головы" [9, 66]. – "(The nonexistent "rightist opposition" would come later,) and, limb by limb, beginning with its own tail, the ravenous maw would devour itself . . . right up to its head" [12, 52]. – "Solcherart Glied um Glied vom Schwanz her verschmausend, arbeitet sich der Rachen bis zum eigenen Haupt vor" [13, 59]

В английском переводе используется эквивалент "to devour" ("пожирать; пожирать, жадно есть" [8]), в немецком переводе "прожевать" заменяется на "sich vorarbeiten" ("продвигаться вперёд (преодолевая препятствия)" [1]).

"Отведен новый вкус, и возник новый аппетит" [9, 58]. – "A new taste had been acquired and a new appetite began to grow" [12, 43]. – "Einmal auf den neuen Geschmack gekommen, entwickeln wir neuen Appetit" [13, 51].

"...Указы <...> поставившие для ненасытного Архипелага избыточный человеческий материал" [9, 99]. – "...decrees <...> which supplied abundant human material for the insatiable Archipelago" [12, 86–87]. – "<...> Sie hatten dem unersättlichen Archipel Menschenmaterial im Überfluß geliefert" [13, 91].

Слот 4.3. Образ жизни животных

"Но что за лай собак?" [9, 71] – "But what's that dog howling out there?" [12, 58] – "Doch still! Woher plötzlich das Hundegebell?" [13, 65]

Т. Уитни заменяет "лай" на "to howl" ("выть, завывать" [8]) = "of a dog/ wolf: to make a long, loud sound" [11]), в данном случае наблюдается не только конверсия, но и подмена семантического значения.

"А в Восточной – не слышно, значит перековались, ценят их на государственной службе" [9, 178]. – "Meanwhile, in East Germany, nothing of the sort is to be heard. Which means that there they have been shod with new shoes; they are valued in the service of the state" [12, 175]. – "Von der DDR aber hort man darüber wenig. Sind wohl umerzogen worden, stehen hochangesehen in staatlichen Diensten" [13, 173].

Русский глагол "перековать" (в переносном значении "коренным образом изменить, перевоспитать") имеет близкое соответствие в немецком языке "emerziehen", в английском языке эквивалент "to shoe" не несёт в себе коннотации "изменения/ пересмотра своих взглядов в неких корыстных целях".

5. Фрейм "обращение с животными"

Слот 5.1. Животные как объект агрессии

В рамках данного фрейма органы опять-таки выступают источником агрессии, а граждане примеряют на себя роль животного-жертвы, на которого идёт охота.

"Это – и признак качества их работы и колки для накидывания новых арканов" [9, 136]. – "That is the mark of quality of their work, and these are also new patches of woods in which to set out snares" [12, 129]. – "Es ist die Qualitätsmarke ihrer Arbeit und der Angelpunkt für neue Fänge" [13, 130]

"Колки" заменяется на "snare" ("западня, ловушка" [8]). В немецком переводе происходит замена с переносом по функции: вместо "арканов" используется "Fänge" (ловля).

"Что надо, чтобы быть сильнее следователя и всего этого капкана?" [9, 137] – "What do you need to make you stronger than the interrogator and the whole trap?" [12, 130] – "Was braucht einer, um starker zu sein als der Verhörende mitsamt seiner ganzen Mausefalle?" [13, 131]

"Следователю моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня, а только старался он накинуть удавку на всех, кому когда-нибудь писал я или кто когда-нибудь писал мне" [9, 141]. – "Therefore my interrogator did not have to invent anything. He merely tried to cast his noose around everyone I had ever written to or received a letter from" [12, 135]. – "Er brauchte sich daher für mich nichts einfallen zu lassen und versuchte bloß, die Angel nach jedermann auszuwerfen, dem ich jemals geschrieben, bzw. von dem ich jemals einen Brief erhalten habe" [13, 135].

"И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью ("Родина простила! Родина зовет!") и накинув удавку уже на границе" [9, 235]. – "The Motherland calls you!" and snared them the moment they reached the frontiers" [12, 240]. – "Die Heimat ruft euch!", um ihnen an der Grenze schon die Schlinge um den Hals zu werfen" [13, 233].

"Пойманный кролик, трясущийся и бледный, не имеющий права никому написать, никому позвонить по телефону, ничего принести с воли <...>!" [9, 144] – "Trembling and pale, the rabbit who had been caught, deprived of the right to write anyone, phone anyone, bring anything with him from freedom <...>". [12, 138] – "Das eingefangene Karnickel, <...> zitternd und blaß <...>, das niemandem schreiben darf, und niemanden anrufen, und nichts mitbringen von zu Hause <...>!" [13, 138]

Слот 5.2. Животные как объект ухода

В рамках данного слота при формировании образа органов акцент сделан на их несамостоятельности и зависимости от внешних обстоятельств.

"<...> этот поток до самого 1945 года кормил следователей Москвы и Ленинграда" [9, 93]. – "<...> a wave which kept on providing fodder for the interrogators of Moscow and Leningrad right up to 1945" [12, 80]. – "<...> dieser Strom ernährte bis 1945 die Untersuchungsbehörden von Moskau und Leningrad" [13, 85].

"Низкие же цифры вели бы к разгону и разжалованию, к потере этой кормушки <...>" [9, 152]. – "Low totals led to their being kicked out, to the loss of their feedbag" [12, 147]. – "Niedrige Ziffern hingegen führten zur Entlassung und Degradierung, zum Verlust besagten Futtertrogs <...>" [13, 147].

В рамках данного слота исследуемые единицы сохраняют как лексическое значение, так и коннотации.

Основные результаты и выводы

Не принимая во внимание грамматические трансформации, можно сделать вывод, что в английском переводе было сохранено 22 (71%) метафорические единицы, а в немецком переводе – 22 (71%) метафоры. При этом в английском языке зафиксировано 2 случая деме-тафоризации, и 7 случаев подмены метафорического образа. В немецком языке – при переводе 9 метафор переводчик использовал функциональную замену.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой немецко–русский словарь. 11–е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2004. 1040с.
2. Большой толковый словарь немецкого языка: для изучающих немецкий язык. / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. М.: Издательство Март, 1998. 1248 с.
3. Курбанов И.А. О специфике символического применения зоонимов "животное", "зверь" и "скот" в произведениях русской литературы. Исследование различных типов и жанров текста. Межвузовский сборник научных статей. Сургут: Сургутский госуниверситет, 2000. С. 27–32
4. Курбанов И.А., Матулевич Т.Г. Национально–культурная специфика зоонимов русского и английского языков: Учебное пособие для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. Часть II: Материалы к словарям. Сургут: РИО СурГПИ, 2002. С. 92
5. Курбанов И.А. Национально–культурная специфика оценки эмоциональных, волевых, интеллектуальных действий и состояний человека, его душевного склада и характера (на примере анималистической лексики русского и английского языков). Проблемы культуры монолической и диалогической речи: Материалы конференции. Сургут: РИО СурГПИ, 2002. С. 40–56
6. Курбанов И.А. Национально–культурная специфика зоонимов русского и английского языков: учеб.пособие / И.А. Курбанов; Сургут. гос. ун–т. ХМАО – Югры. Сургут : Изд–во СурГУ, 2009. С. 86
7. Курбанов И.А. Зоосимволы русского и английского языков: Анималистическая фразеология и паремиология в контексте культуры: [монография]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, cop. 2012. 434 с.
8. Мюллер В.К. Новый англо–русский словарь / Издательство "Русский язык", В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. 9–е изд. М.: Рус.яз., 2002. 880с.
9. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. В 3 т. Т.1. Ч. 1–2. М.: ПРОЗАИК, 2011. 592с.
10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. университет. Екатеринбург, 2001. 238с.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. / Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
12. Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago 1918–1956: An experiment in literary investigation. [Vol. 1], [Parts] 1, 2 / A. I. Solzhenitsyn / Translated by Thomas P. Whitney. N.Y.: Harper & Row Publishers, 1974. 660p.
13. Solschenizyn A. I. Der Archipel GULAG / A. I. Solschenizyn /Übersetzung von Anna Peturnig. Bern, München: Scherz Verlag, 1974. 621s.